

Бернар

Вербер

Мы, боги

Факультет
создания миров

Бернар Вербер
Мы, боги
Серия «Бесконечная
Вселенная Бернара Вербера»
Серия «Сага о богах», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73979607

Мы, боги:

ISBN 978-5-04-247094-3

Аннотация

В Школу богов, что находится в сердце Олимпии, набран новый курс – 144 ученика. У каждого – свой народ и свои пророки. Двенадцать олимпийских богов будут обучать поступивших своим премудростям, чтобы в итоге один из выпускников стал тем, кто поведёт человечество.

Но учеба здесь непохожа не рай: в толпе скрывается убийца, кто-то теряет голову от любви к Афродите, а таинственный свет словно следит за каждым шагом...

Содержание

Предисловие	6
1. Энциклопедия: в начале	10
2. Кто я?	11
3. Энциклопедия: в начале (продолжение)	12
4. Прибытие	13
5. Энциклопедия: в начале (продолжение)	15
6. Во плоти	16
7. Энциклопедия: в начале (конец)	17
8. Остров	19
9. Энциклопедия: перед лицом неизвестности	21
10. Первая встреча	22
11. Энциклопедия: а вдруг мы одни во вселенной?	26
12. Встречи	28
13. Энциклопедия: небесный Иерусалим	34
14. Град блаженства	35
15. Посетитель	43
16. Энциклопедия: символика цифр	48
17. Первый праздник в амфитеатре	50
18. Энциклопедия: крик	62
19. Первое официальное убийство	63
20. Энциклопедия: анх	66
21. Синий лес	67

Бернар Вербер

Мы, боги

*Посвящается Жерару Амзаллагу,
свободному духом.*

Bernard Werber

Nous les Dieux (#1)

Copyright © Éditions Albin Michel – Paris, 2004

Published by arrangement with SAS Lester Literary Agency

& Associates

© Кабалкин А., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «ЭКСМО», 2026

Предисловие

Что, если в истории человечества наследили не самые утонченные, а самые свирепые цивилизации?

Если разобраться, то исчезнувшие культуры не обязательно были наименее развитыми. Ключет какой-нибудь вождь по наивности на мирные посулы своих недругов, или капризы погоды вмешаются в ход сражения – и пожалуйста, судьба целого народа катится кувырком. Впоследствии историки, обслуживающие победителей, по-своему переписут прошлое проигравших, объясняя их исчезновение. Спор прекращается по формуле «горе побежденным», избавляющей последующие поколения от угрызений совести. Дарвин нашел даже научное обоснование всем этим побоищам – так называемый «естественный отбор» и теория того, что «выживают самые приспособленные».

Так на горах трупов и на забытых предательствах взошла история земного человечества.

Кто это видел?

Кто знает правду?

Я нашел всего один ответ: «бог» или «боги», при условии, что «он» или «они» существует/ют.

Я попытался представить этих неприметных свидетелей. Богов, наблюдающих за копошением человечества, подобно тому, как энтомологи наблюдают за муравьями.

Если боги существуют, то какое они получили образование?

Ничто не стоит на месте. Каким был их переход от молодости к зрелости? Как они вмешиваются в нашу жизнь? Почему мы им интересны?

Я искал ответы в священных текстах, от тибетской «Книги мертвых» до «Книги мертвых» древнеегипетской, в шаманизме, в великой космологии народов пяти континентов. Все они очень редко противоречат друг другу. Можно подумать, что есть некое общее представление о пространстве, которое превосходит наше понимание, некие правила космической игры.

Философию и науку всегда противопоставляли, но для меня они совпадают в том, что можно назвать «мирской духовностью». Вопросы в ней важнее ответов.

В остальном я давал волю своему воображению.

Для меня «Мы, боги» – это естественное продолжение «Танатонавтов» и «Империи ангелов». После завоевания Рая и открытия ангельского мира логично, чтобы высший уровень развития был именно уровнем богов...

Поэтому к нам возвращаются Мишель Пенсон, его странный друг Рауль Разорбак, Фредди Мейер, Мэрилин Монро; все бывшие танатонавты-ангелы, чей лозунг «меч – любовь, щит – юмор». Я нырял в этот вымышленный мир, как в сон, ставший явью. Ночами мне снились некоторые его эпизоды.

За работой я слушал музыку из кинофильмов; в частно-

сти, из «Властелина колец», «Дюны», «Чайки по имени Джонатан Ливингстон». Слушал классику – девять симфоний Бетховена, Моцарта, Грига, Дебюсси, Баха, Сэмюэла Барбера, симфонию «Планеты» Густава Холста, рок-музыку – Майка Олдфилда, Питера Гэбриела, группы «Йес» и «Пинк Флойд».

Услышав об этом проекте, мой издатель с энтузиазмом поддержал подобное сотворение нового мира. Результат – более тысячи страниц, целых три тома.

Поиск-инициация привела моего героя к встрече с Творцом вселенной.

Может, и вы зададитесь вопросом: «А что сделал бы я, окажись я на месте Бога?»

Бернар Вербер

Ты для того и приведен сюда, чтоб я показал тебе это.

Иезекииль 40:4

Те, кто не понял прошлого,

Те, кто не понял прошлого всего человечества,

Те, кто не понял своего собственного прошлого,

Будут обречены его воспроизводить.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия Относительного и Абсолютного Знания, том V.

Лабораторный хомяк – своему сородичу: «Я видрессировал ученого. Каждый раз, когда я

нажимаю на эту кнопку, он приносит мне зерно».

Фредди Мейер

1. Энциклопедия: в начале

...Ничего.

В начале не было ничего.

Ни проблеска во тьме и безмолвии.

Всюду царило Ничто.

То было царство первородной силы.

Силы N, нейтральной силы.

Но это Ничто грезило о том, чтобы стать чем-то.

И тогда в бескрайнем пространстве появилась белая жемчужина, Космическое Яйцо, вместилище всех возможностей и всех надежд.

И стало это Яйцо расщепляться...

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия Относительного и Абсолютного Знания, том V.

2. Кто я?

Раньше я был смертным.

Потом – ангелом.

Кем же я буду теперь?

3. Энциклопедия: в начале (продолжение)

...И лопнуло Космическое Яйцо.

Произошло это в нулевой год, в нулевой месяц, в нулевой день, в ноль часов, ноль минут, ноль секунд.

Скорлупа изначального яйца была раздроблена на двести восемьдесят восемь кусочков Второй Силой.

Силой D, силой Деления.

Из этого взрыва брызнул свет, пахнуло жаром, повалила пыль, рассеиваясь сверкающим прахом во тьме.

Так родилась Новая Вселенная.

Частички ее, разлетаясь, заплясали под симфонию времени, которое начало утекать...

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия Относительного и Абсолютного Знания, том V.

4. Прибытие

Я лечу.

Чистый дух, я пронзаю пространство на скорости своей мысли.

Я покинул империю ангелов, но куда я направляюсь?

Я неспешно парю в воздухе.

Передо мной брезжит свет.

Он завораживает мою душу. Я чувствую себя мотыльком, летящим на пламя.

Я открываю в звездной пустоте одинокую планету. Планету с двумя солнцами и тремя лунами.

Моя душа пронзает ее атмосферу, меня тянет к ее поверхности.

Я падаю.

Сюрприз: подъемная сила пропала, на меня действует притяжение.

Внизу океан, он приближается, вздымаясь мне навстречу.

Пока продолжается спуск, я обретаю твердость. Моя кожа становится непрозрачной. Это начинается со ступней, распространяется на ноги, руки, лицо. Там, где была прозрачная оболочка, появилась розовая непрозрачная кожа.

Пальцы ног ощущают удар. Я с шумом разбиваю бирюзовую поверхность зеркала.

Теперь я под водой. Холодно, липко, неприятно.

Я захлебываюсь, задыхаюсь. Что происходит? Мне необходимо... воздух.

Я отчаянно барахтаюсь. Срочно всплыть! От соленой воды щиплет глаза. Я крепко зажмуриваюсь. Бешеные усилия выбрасывают меня на поверхность, я наглатываюсь воды. Великое облегчение – мне удастся высунуть из воды голову.

Я дышу!

Сначала я в панике, но потом становится приятнее.

Я опустошаю легкие и снова наполняю их воздухом.

Вдох, выдох. Вспоминается первый глоток воздуха при моем последнем человеческом рождении. Воздух – изначальный наркотик, без него никуда. Альвеолы моих легких набухают, как маленькие воздушные шарики. Я открываю глаза и вижу небо. Мне бы взлететь ввысь, к облакам, но нет – теперь я в плену у силы тяжести.

Я ощущаю, как мою душу обволакивает плоть и как она меня тяготит. Я чувствую твердость собственных костей, у меня теперь чувствительная кожа, и я трепещу от пронзающей меня страшной мысли.

Я больше не ангел. Это что же, снова в люди?

5. Энциклопедия: в начале (продолжение)

...Уже через считанные секунды какие-то из частиц слипаются под действием третьей силы. Это Сила А, сила Ассоциации.

Частицы-нейтроны, представительницы Нейтральной силы, связываются с частицами-протонами, наделенными положительным зарядом, и так образуется ядро. Частицы-электроны с отрицательным зарядом вращаются вокруг ядра, уравнивая его.

Все три силы обрели свое место и взаимное расстояние, так они образуют более сложное единство, первое воплощение силы Ассоциации – Атом. Так энергия трансформировалась в материю.

То был первый эволюционный скачок.

Эта материя жаждала перейти в высшую стадию. Так возникла Жизнь.

Жизнь – новый опыт Вселенной, она оставила в ее сердце след трех своих составных сил (Деления, Нейтральности, Ассоциации (она же Концентрация)) – ДНК.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия Относительного и Абсолютного Знания, том V.

6. Во плоти

До чего же трудно снова стать материальным существом после того, как побыл в состоянии чистого духа!

Я и забыл, что такое тяжесть.

Вся моя плоть пронизана нервами, сосудами, полна разными булькающими пузырьками. Я чувствую, как бьется сердце, как стекает в горло слюна. Сглатываю, зеваю – да так, что лязгают новенькие зубы, – чихаю.

Пробую на прочность свою челюсть. Ощупываю себя всего. Тело как тело, как у всякого земного смертного. Теперь мои органы слуха – это уши, а не душа.

Летать я больше не способен, приходится плыть. Какой же болезненный способ передвижения! Медленный и изнурительный.

Наконец, я различаю вдали остров.

7. Энциклопедия: в начале (конец)

...Но Жизнь не была кульминацией опыта этой новорожденной вселенной. Сама Жизнь тоже мечтала достигнуть более высокой стадии. Поэтому она стала плодиться, варьироваться, экспериментировать с формами, оттенками, температурами и повадками. Так, на ощупь, Жизнь нашла идеальный плавильный котел для продолжения своей эволюции.

Имя ему Человек.

На вертикальном острове Человека, состоящем из двухсот восьми костей, имелся жировой слой, сеть кровеносных сосудов и система мышц, все это было упаковано в тонкую эластичную кожу. А еще у Человека в верхней части тела располагалась чрезвычайно эффективная центральная нервная система, подключенная к визуальным, слуховым, осязательным, вкусовым и обонятельным датчикам.

Человек стал основой для экспериментов Жизни с Разумом. Человек рос, размножался, сталкивался с себе подобными и другими живыми существами.

Он любил их.

Подчинял их себе.

Держал их на расстоянии.

А Жизнь тем временем мечтала выйти на следующий уровень сложности. Так начался новый опыт – приключения Сознания.

Его питали и питают три исконных вида энергии:

Любовь

Власть

Нейтралитет.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия Относительного и Абсолютного Знания, том V.

8. Остров

Вот и песчаный берег. У меня болит все тело целиком: все кости, все мышцы, все сухожилия. Я слишком долго плыл и сейчас падаю, совершенно без сил. Я околел и беспрестанно кашляю. Приподнимаю голову, озираюсь. Я лежу на мелком светлом песке, в густом тумане можно различить только стволы кокосовых пальм. Судя по шуму разбивающихся в отдалении волн, там гроздятся крутые скалы. Я ежусь, чувствуя слабость и растерянность. Возвращается проклятый вопрос, всю жизнь меня преследующий: *«Что, собственно, я здесь делаю?»*

В нос бьют морские и растительные запахи. Я и забыл, что носом можно нюхать. Меня окутывают тысячи ароматов. Теплый воздух напитан йодом, разными запахами цветов и пыльцы, травы и мха, а также кокоса, ванили и бананов. Присутствует и приторно-сладкая, возможно лакричная, нота.

Я широко распахиваю глаза. Я угодил на остров какой-то одинокой планеты. На горизонте нет никаких признаков другой суши. Есть ли здесь еще какая-то форма жизни, кроме растительности?

На этот вопрос отвечает ползущий по пальцу моей ноги муравей, один-единственный. Я подставляю ему палец руки и подношу его к глазам. Он подергивает усиками, пытаюсь разобраться, что с ним происходит. Где ему понять, что это

за розовая громадина!

– Где мы?

При звуке моего голоса его усики замирают. Для него я – теплая гора, дыхание которой возмущает его обонятельные рецепторы.

Я отпускаю муравья, и он зигзагами убегает от меня по песку. Мой наставник Эдмонд Уэллс был специалистом по этим насекомым. Возможно, он бы меня надоумил, как с ними общаться. Но я здесь совсем один.

И тут тишину нарушает вопль. Человеческий вопль.

9. Энциклопедия: перед лицом неизвестности

Сильнее всего Человека пугает Неведомое. Как только это Неведомое, даже враждебное, опознается, то Человек может облегченно перевести дух. Но неведение будит его воображение. В каждом просыпается его внутренний демон, его «личное худшее». Считая, что ему противостоит тьма, он борется с фантазмагорическими чудящими своего подсознания. Но именно тогда, когда человеческое существо сталкивается с новым неопознанным явлением, его мозг одновременно демонстрирует лучшее, на что способен: чуткость, любознательность. Пуская в ход все органы чувств, оно силится понять, чтобы справиться со страхом. Оно обнаруживает в себе неведомые прежде таланты. Неизвестность будоражит его и в то же время завораживает. Оно его опасается и жаждет, стремясь выяснить, сумеет ли его мозг найти решение и освоиться с новизной. Пока нечто не получит имени, оно остается вызовом человечеству.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия Относительного и Абсолютного Знания, том V.

10. Первая встреча

Крик доносится со скалы. Я бегу в ту сторону, обеспокоенный тем, что могло бы послужить причиной крика, и одновременно ободренный присутствием другого человека. Я штурмую крутой подъем и, весь запыхавшийся, оказываюсь на вершине скалы.

Там лежит лицом вниз мужчина в белой тоге. Я подхожу и переворачиваю его на спину. На боку у него еще дымится ожог. Морщинистое лицо заросло седой бородой. Я заинтригован, ведь оно мне знакомо – я видел его в книгах, словарях, энциклопедиях. Внезапно я вспоминаю имя: *Жюль Верн*.

Я несколько раз сглатываю, чтобы увлажнились голосовые связки и можно было говорить.

– Вы же...

При каждом звуке у меня дерет горло. Он с безумным видом хватается за руку.

– ГЛАВНОЕ... не ходить... НАВЕРХ!..

– Куда не ходить?

Он с трудом приподнимается и указывает пальцем на нечто, кажущееся мне в тумане подобием горы.

– ...НЕ ХОДИТЬ НАВЕРХ!

Он дрожит. Его ногти впиваются мне в запястье, взгляд судорожно ловит мой, потом устремляется куда-то поверх моего плеча, и на его лице появляется выражение крайнего

испуга.

Я оглядываюсь, но ничего не могу разглядеть, кроме укутаных туманом и слегка колеблемых ветром кокосовых пальм. Внезапно, словно величина крайней опасности придала ему сил, он вскакивает и подбегает к краю скалы, явно намереваясь прыгнуть вниз. Я кидаюсь за ним и успеваю удержать его за руку перед самым падением.

Он сопротивляется и даже пытается меня укусить, чтобы вырваться. Я не сдаюсь и другой рукой хватаю его за тогу. Он так удивлен моим упорством, что, замерев, смотрит на меня в упор и грустно улыбается. Белая ткань тоги рвется с неумолимым треском. Я усиливаю хватку, но в следующую секунду слышу глухой звук падения его тела на мокрый песок далеко внизу. В моих сжавшихся пальцах остался клочок материи.

Жюль Верн лежит внизу, как оброненная кукла.

Я медленно выпрямляюсь и ищу глазами то, что так его напугало. Тщетно. Вижу одни стволы и взъерошенные ветром ветви пальм, пелену тумана и что-то, напоминающее гору, вдали.

Не сыграло ли с ним дурную шутку бурное воображение?

Я осторожно спускаюсь со скалы, страдая от усиливающейся жары. Внизу меня ждет неожиданная картина: тело писателя исчезло. Осталась только вмятина в песке и свежие следы вокруг – похоже, конских копыт.

Не успеваю я оправиться от первого изумления, как воз-

никает новая странность. Мое внимание привлекает шуршание крыльев у меня над головой. Некое летучее создание выныривает из тумана и зависает передо мной в воздухе. Вблизи становится ясно, что это крылатое существо – вовсе не птица, а миниатюрная девушка с большими переливающимися крыльями, как у бабочки «синий монарх», с такими же длинными хвостиками внизу.

– Ну здравствуй... – бормочу я.

Она меня разглядывает, удивленно качая головкой. У нее большие зеленые глаза, веснушки, длинные рыжие волосы, перевязанные скрученной травинкой. Она порхает на уровне моих ушей и тарашит глаза, как будто никогда раньше не видала таких, как я.

Потом она улыбается мне, я тоже отвечаю ей улыбкой и спрашиваю, сбиваясь:

– Вы понимаете мою речь?

Девушка-бабочка открывает ротик и показывает узкий заостренный язычок карминового цвета, похожий на длинную ленточку, потряхивая своей огненной шевелюрой.

Я тянусь пальцами к ее личику, но она торопится прочь. Я бегу за ней, спотыкаюсь об острые камни и с размаху шлепаюсь. Край камня распарывает мне кисть.

Острая боль. Не такая, как в глазах от соленой воды или в груди, когда я задыхался, эта боль другого свойства.

У меня течет кровь. Я удивленно смотрю на собственную ярко-красную кровь на моей бледно-розовой коже.

Я совсем забыл, как это больно... испытывать боль. Я перебираю в памяти все моменты, когда страдало мое еще человеческое тело. Вросшие ногти, зубной кариес, воспаление нерва, ревматизм... Как я умудрялся переносить такие мучения? Наверняка помогало неведение о той жизни, где нет никаких страданий. Но теперь для меня, познавшего блаженство чистого духа, боль стала невыносимой.

Девушка-бабочка исчезла среди затянутых туманом деревьев.

В какой же мир я угодил?

11. Энциклопедия: а вдруг мы одни во вселенной?

Как-то раз мне пришла странная мысль: «Вдруг мы одни во вселенной?» Как ни странно, даже самые отъявленные скептики лелеют надежду на существование инопланетян, на то, что если мы, земное человечество, потерпим неудачу, то где-то в несусветной дали продолжают преуспевать другие разумные существа. Это бодрит... Но как быть, если мы одни? Вот прямо совсем одни? Если во всем бескрайнем космосе нет больше никакой жизни, никакого разума? Если все планеты похожи не те, что вращаются вокруг нашего Солнца: слишком холодные или слишком горячие, состоящие из газообразной магмы или из скопления камней? Если случай Земли – всего-навсего череда случайностей и совпадений, до того невероятных, что такое невозможно больше нигде и никогда? Если это уникальное, не подлежащее повторению чудо? Ведь это значит, что если мы проиграем, если погубим свою планету (а мы с недавних пор на это способны, взять хоть атомное оружие, хоть загрязнение среды), то уже ничто и никто не выживет. После нас игра окажется сыграна без малейшей возможности переигровки. Возможно, мы – самый последний шанс. Если так, то наша ошибка была бы колоссальной. Отсутствие инопланетян – гораздо более тревожное

предположение, чем их существование... Настоящее помрачение рассудка. Но и невероятная ответственность. Быть может, это самое разрушительное и притом древнейшее предостережение: «Может быть, мы одни во вселенной, и если мы не сдюжим, то не будет больше уже ничего и нигде».

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия Относительного и Абсолютного Знания, том V.

12. Встречи

Мне надо найти девушку-бабочку. Я углубляюсь в лес из кокосовых пальм, продираюсь сквозь все более густой кустарник. Внезапно я замираю от совсем близко раздавшегося шороха. Среди клочков тумана я вижу существо с мужским торсом и с конским туловищем. Руки сложены у него на груди, на лице написано упрямство, на голове – черная растрепанная ветром грива. Человек-конь медленно приближается ко мне и раскидывает руки, как для объятия. Я испуганно пачусь, из его ноздрей валит пар, он встает на дыбы и колотит себя кулаками в грудь. Он полон двойной, человеческой и животной, мощи. Он уже бьет копытом в землю, как бык, готовый броситься на недруга, и я бегу прочь со всех ног. За спиной раздается тяжелый приближающийся галоп. Он настигает меня и хватает обеими волосатыми ручищами. Как я ни ору, как ни лягаюсь, он только крепче прижимает меня к себе. Его галоп ускоряется. Я повисаю низко над землей, так что папоротники хлещут меня по лодыжкам.

Так мы мчимся по лесу из кокосовых пальм, дальше через поляну, от нее взбираемся вверх по склону. Он скачет по тропе, не выпуская меня. Галоп длится долго. Мимо нас проносятся леса, равнины, озера в окружении скрюченных деревьев.

Тропа приводит на обширное плато, где белеет боль-

шой квадратный город, окруженный мраморной стеной в несколько метров высотой. Город стиснут двумя холмами, не позволяющими ничего разглядеть, кроме не затянутого туманом основания высокой горы напротив него.

В белизне стены выделяется золотой стрельчатый купол городских ворот, обрамленный двумя колоннами: черной и белой. Здесь наша скачка завершается.

Человек-конь ставит меня на землю. Одной рукой он держит меня, другой хватает огромный дверной молоток и несколько раз бьет им в створку. Через несколько мгновений ворота медленно отворяются. В них стоит грузный бородастый человек больше двух метров росту, в короне из виноградных листьев. На этот раз никаких крылышек, никаких конских копыт. Если бы не гигантский рост, его можно было бы счесть обыкновенным землянином.

Он смотрит на меня с подозрением.

– Вы тот, кого ждут? – спрашивает он.

Какое облегчение, когда с тобой разговаривают, когда есть возможность пообщаться!

Великан добавляет веселым тоном:

– Как я погляжу, вы... – Он опускает глаза. – Наги.

Я торопливо закрываю ладонями срам. Человек-конь беззвучно давится от смеха, появившаяся откуда ни возьмись девушка-бабочка – тоже. Эти двое помалкивают, но по крайней мере понимают речь.

– Здесь не принято щеголять нагишом, это вам не нудист-

ский пляж.

Он достает из мешка тунику, затем белую тогу и учит меня, как в нее облачаться: дважды обернуть вокруг себя и перебросить край через плечо.

– Где я?

– В месте Конечной Инициации. Мы по привычке называем его Эдемом.

– А что это за город?

– Здешняя столица, привычное название – Олимпия. А как зовут вас? Вернее, как вас звали, когда у вас было имя?

Верно, прежде чем стать ангелом, я был смертным.

Пенсон. Мишель Пенсон. Француз. Пол мужской. Женат. Отец семейства. Причина гибели – столкновение «Боинга» с моим многоквартирным домом.

– Мишель Пенсон.

Великан ставит галочку в списке.

– Мишель Пенсон? Отлично, вилла номер 142857.

– Прежде чем продолжить, хочется узнать, что я здесь делаю.

– Вы – ученик. Цель вашего прибытия – овладение самым трудным из навыков. – Видя мое недоумение, он уточняет: – Быть ангелом тоже было нелегко, не правда ли? Но знаете, бывает и кое-что потруднее. Задача, требующая таланта, сноровки, креативности, ума, тонкости, интуиции... – Я с трудом улавливаю смысл его бормотания. – Бо-ог! Вы в Царстве богов.

Я, конечно, предполагал, что бывают сущности, оставляющие позади ангелов, но не смел и мечтать, что когда-нибудь сам заделаюсь... богом.

– Но этому, конечно, можно научиться. Пока что вы только бог-ученик, – уточняет мой собеседник.

Выходит, я не стал снова человеком, как вообразил, когда обнаружил свою плотскую оболочку. Эдмонд Уэллс объяснил мне когда-то, что «Элохим» – имя Бога на иврите, – это на самом деле множественное число. Парадокс первой монотеистической религии: своего единственного бога она обозначает категорией множественного числа.

– Так вы?..

– Обычно меня кличут Дионисом. Некоторые ошибочно считают меня богом пиров и возлияний, виноградной лозы и пьяных оргий. Ошибка, искажение истины! Я – бог Свободы. Что поделать, если в народном воображении свобода всегда подозрительна и с легкостью уподобляется всяческому излишествам. Я очень древний бог, проповедую свободу проявления наших лучших свойств. Немудрено, что я слышу распутником.

Он вздыхает, срывает большую гроздь винограда и принимается его поглощать.

– Нынче моя очередь принимать новеньких, я ведь преподаю в Школе богов, иначе говоря, я – бог-учитель.

Огромный бог-учитель в венке из виноградных листьев, девушка-бабочка, быющий копытом человек-конь... Куда же

это меня занесло?!

– Там, внизу, на скале, я стал свидетелем преступления.

Дионис смотрит на меня благодушно, не проявляя большого интереса к моим словам.

– Вам удалось опознать жертву? – спрашивает он.

– Думаю, это был Жюль Верн.

– Жюль Верн? – Он просматривает свой список. – Жюль Верн... Нашел: писатель-фантаст девятнадцатого века. Сильно, даже слишком, опередил свое время... И чрезмерно любопытный. Учтите, у любопытных часто возникают проблемы.

– Проблемы?..

– Не слишком любопытствуйте. Знаю, нам будет трудно за всеми уследить, в этом потоке набирается очень уж много учеников. Пока что оставайтесь на месте, на своей вилле. Чувствуйте себя там как дома.

Как же долго я не испытывал этого чувства!

– Ночи в Эдеме прохладные, рассветы тоже. Советую расположиться поудобнее. Вилла 142857. Ангелочек вас проводит. Это недалеко, но если вы устали, можете доехать на кентавре.

Ангелочек – девушка-бабочка; кентавр – человек-конь. Все эти помеси человека и животного – химеры. Сколько их тут еще? Невольно вспоминается «Остров доктора Моро», где ученый скрещивал людей и зверей.

– Лучше я сам. Где это?

– Пойдете по широкой улице, пересечете центральную площадь, свернете налево на третью по счету улицу, Оливковую. На ней вы легко найдете свой номер. Отдыхайте, но будьте наготове. По трем длинным ударам часов поспешите на главную площадь.

Я надеваю полученные от Диониса сандалии. Обутый, в белоснежной тоге, я вхожу в высокие ворота Олимпии.

13. Энциклопедия: небесный Иерусалим

Из Откровения Иоанна Богослова:

«...Перенес меня на высокую гору и показал мне святой город Иерусалим. В его огромной, высокой стене двенадцать ворот, у ворот – двенадцать ангелов. На воротах выбиты имена двенадцати племен сынов Израилевых...»

«Город – квадратный, длина равна ширине...»

«Он залит светом Божьей славы... В Его свете народы будут устраивать свою жизнь... Ничто нечистое не войдет в него, никакой носитель мерзости и лжи».

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия Относительного и Абсолютного Знания, том V.

14. Град блаженства

Перед моим восхищенным взором раскинулся город богов.

Широкий проспект, обсаженный кипарисами, пронзает его светлой бороздой. Я ступаю на главную улицу Олимпии.

Холмы и долины по обеим сторонам улицы усеяны огромными строениями, задуманными, во всей вероятности, титанами. Густая сеть речушек с деревянными мостиками, озера с сиреневыми кувшинками. К югу крутые холмы с широкими террасами, где колышутся бамбук, тростник, пальмовые ветви. Можно подумать, что этот город привиделся в бреду хмельному архитектору, иначе не объяснить все эти ступени разной высоты внутри высоких стен.

Проспекты, улицы, переулки заполнены пестрыми толпами. Молодежь облачена, как я, в белые тоги; вероятно, это тоже боги-ученики. Они не обращают на меня ни малейшего внимания.

Молодая женщина в желтой тоге выгуливает трехголовую таксу, подобие мини-цербера. Повсюду мелькают кентавры, сатиры, херувимы.

Я уже различаю «мужчин» и «женщин». Мотыльков с юношескими замашками, кентавров женского пола, скрывающих длинными волосами свои пышные груди.

Чем дальше я захожу, тем больше открываю диковин.

Торжища, где люди и чудища объясняются знаками, белокаменные домики с коринфскими колоннами под красной черепицей, резные балюстрады, медные фонтанчики, где плюются водой каменные тритоны.

Теплый воздух благоухает пылью и свежестриженным газоном. Кажется, я уже могу различить вдали поля пшеницы и огороды. Там и сям пасутся, совсем как на Земле, безразличные к умопомрачительным пейзажам обыкновенные травоядные, а вовсе не химеры: козы, овцы, коровы.

За соснами белеют виллы в несколько этажей.

Проспект упирается в круговой перекресток с бассейном посередине, в центре бассейна островок со столетним деревом. Подойдя ближе, я узнаю в этом величественном дереве яблоню. С ее ветвей свисают золотые плоды. Вдруг эта яблоня посреди райского сада – Дерево познания добра и зла, из-за которого расстались с Раем Адам и Ева? Кора дерева изъязвлена тысячелетними бороздами, ветви касаются земли острова, извиваются среди камней, тянутся к небесам, раскидываются вширь, за края бассейна, и даже за стену города. Тень от него простирается почти на всю центральную площадь.

Снова мне на память приходят отрывки из Апокалипсиса: *«Среди площади древо жизни... и листья дерева – для исцеления народов».*

От центральной площади отходят четыре перпендикулярных друг другу широких проспекта. На указателях написано:

«на восток: Елисейские Поля.
на север: Амфитеатр и Мегарон
на запад: Пляж».

Непонятно, что на юге. Голову мне освежает легкий ветерок. Я оборачиваюсь и вижу рыжеволосого ангелочка с личиком мятежницы, бесшумно летящего следом за мной.

– Чего тебе? Как твое имя?

Химера чихает, я даю ей край своей тоги, чтобы она высморкалась.

– Ну, раз ты ничего не хочешь мне сказать, то будешь для меня... мушкой-сморкалкой. Когда рубишь дрова, становишься дровосеком, когда читаешь – читателем, а когда сморкаешься...

Мушке явно не нравится, что я над ней потешаюсь. Она опять показывает свой узкий язычок, гримасничает, закатывает глазенки. Я ее передразниваю: тоже показываю язык, а потом, махнув на нее рукой, шагаю дальше.

В отличие от прямых проспектов, все здешние улицы изгибаются вокруг центральной площади. Перед домами раскинулись сады неведомых мне деревьев, цветы которых похожи на орхидеи, а благоухают сандалом и гвоздикой.

Дом номер 142857 оказывается белой виллой под красной черепицей, прячущейся за кипарисовой изгородью. Ни тебе забора, ни стены, все открыто. Гравийная дорожка ведет к незапертой двери. Я показываю назойливому ангелочку жестами, что это теперь мой дом и что мне хочется побыть

одному. Я захлопываю дверь у нее перед носиком, пусть и дальше недовольно кривляется.

Деревянная задвижка – способ заблокировать дверь и повод для выдоха облегчения. Я тут же испытываю прилив наслаждения оттого, что здесь меня никто не побеспокоит. Давненько со мной этого не бывало. «Я дома». Исследую свое жилище: просторная гостиная с красным диваном посередине, низкий столик из черного дерева напротив белой стены, на которой висит плоский телевизор. Сбоку книжные полки, но все страницы в книгах пустые, без единой буквы.

К телеку не прилагается пульта.

Книги без текста.

Преступление без расследования.

Справа от книжных полок стоит кресло, рядом письменный стол с кучей ящиков, на столе гусиное перо в чернильнице. Уж не ожидается ли от меня, что я примусь строчить в пустых книгах?

Что ж, мои приключения заслуживают, чтобы о них поведать. Вот только с чего начать? «Почему бы не с буквы А? – подсказывает внутренний голос. – Логично же». С «А» так с «А». Я сажусь к столу и пишу.

«А... А вправе ли я все пересказать? Даже теперь, глядя назад, мне трудно поверить, что я, Мишель Пенсон, стал участником потрясающей эпопеи и...»

Перо повисает в воздухе. Ведь я был далеко не только Мишелем Пенсоном. В Раю обнаружилось, что за три миллиона

лет я прожил сотни жизней. Побывал охотником, крестьянином, домашней хозяйкой, ремесленником, нищим бродягой. Женщиной, мужчиной. Знал изобилие и нищету, благополучие и болезни, власть и неволю. Банальные, по большей части, жизни... Но около десяти карм представляли интерес. Увлеченная астрономией одалиска в египетском серале, друид, врачующий травами в Броселиандском лесу, солдат с волынкой в саксонской Англии, ловко владеющий саблей самурай в японской империи, танцовщица, пляшущая канкан перед несчетными зрителями в Париже в 1830 году, врач – пионер асептической хирургии в царском Санкт-Петербурге...

По большей части эти невероятные жизни кончались плохо. Друид стал свидетелем бойни, разочаровался в своих соплеменниках и предпочел свести счеты с жизнью. Танцовщица покончила с собой из-за несчастной любви. Русский врач умер от туберкулеза. И все же методом проб и ошибок я понемногу совершенствовался.

В своей последней по счету жизни я был Мишелем Пенсоном, и теперь у меня его облик. Тогда я был связан узами дружбы с Раулем Разорбаком, затянувшим меня в причудливую авантюру. Взрослыми людьми, став учеными, мы объединили наши познания, с моей стороны медицину, с его – биологию, чтобы предпринять эксперимент по соединению науки и духовности: внетелесный вояж для открытия континента мертвых. Мы назвали это занятие танатонавтикой, от

греческих слов «танатос» – смерть и «наутис» – исследователи.

Вместе мы, танатонавты, построили танатодромы, откуда потом стартовали. Мы терпеливо занимались их техническим оснащением, разработкой технологии выхода из телесной оболочки и полета душ прочь с Земли. Мы воевали за то, чтобы первыми, раньше служителей традиционных религий, попасть в Рай. Одно за другим мы преодолели все семь врат континента мертвых, раз за разом решительно открывая неведомые прежде территории. Быть танатонавтом – значит быть первооткрывателем, но при этом заниматься опасным делом. Постепенно я раскрыл древние тайны, доступные только посвященным. Я рассказал о них куда больше, чем готово было услышать человечество.

Самолет, уничтоживший гостиную, оборвал жизнь Мишеля Пенсона, как и жизни всех моих близких. Так меня позвали на небеса.

Там, наверху, меня измерили и взвесили все, что я совершил хорошего и дурного как Пенсон, в своей последней человеческой ипостаси. На счастье, я имел при этом право на замечательного адвоката, писателя Эмиля Золя собственной персоной, моего ангела-хранителя. Благодаря ему я легко отделался и счел, что навсегда избавился от обязанности возрождаться как смертный.

Я стал чистым духом. Ангелом. Как таковой я получил в нагрузку троих людей, которым должен был в свою очередь

помочь вырваться из цикла перерождения. Отлично помню этих своих троих клиентов: русского солдата Игоря Чехова, американскую манекенщицу и актрису Венеру Шеридан, французского писателя Жака Немрода.

Вот только людям не так-то легко помогать. Эдмонд Уэллс, мой наставник в сфере бесплотности, имел привычку повторять: «Они стараются побороть свое несчастье, а не выстроить счастье». Он научил меня, как влиять на людей при помощи пяти рычагов: снов, интуиции, примет, медиумов, кошек. Так я сумел спасти одного из клиентов, Жака Немрода, и предложил ему, если он пожелает, выйти из цикла перерождений. Сам я получил разрешение покинуть империю ангелов и переместиться на более высокий уровень.

И вот теперь я в... Эдеме. Побыл смертным, побыл ангелом. Кем я стану дальше?

Дионис назвал меня богом-учеником.

Я ставлю перо в чернильницу и встаю, чтобы продолжить изучение своей виолы. Справа от гостиной расположена спальня с широкой кроватью под балдахином. В платяном шкафу меня ждут два десятка туник и белых тог, таких же, какие на мне сейчас. Продолжением спальни служит мраморная ванная с умывальником, ванной и унитазом, все это с позолоченными кранами. Для меня приготовлен флакон с пахнущим лавандой серым порошком. Я пускаю воду, и порошок превращается в кремообразную массу. Я раздеваюсь и с наслаждением погружаюсь в полную ванну.

Я смыкаю веки, прислушиваюсь к своему сердцу, оно...

15. Посетитель

...Тук-тук.

Я вздрагиваю. Еще одна мушка-сморкалка? Стук повторяется, я встаю, чтобы ее спровадить, по полу ванной расплываются лужи. Я обматываюсь полотенцем, вооружаюсь мочалкой для спины и распахиваю дверь.

Но на пороге вовсе не химера, а сам Эдмонд Уэллс, мой наставник по бесплотности.

– Ты сказал мне «до свидания», – говорит он с улыбкой.

– Вы ответили «прощай», – бормочу я.

– Вот именно. «À dieu» можно услышать и как «A dieux»¹.

Теперь мы, кажется, на месте.

Мы долго обнимаемся. Потом я жестом приглашаю его в гостиную. Там Эдмонд Уэллс устраивается на красном диване и без предисловий сообщает:

– Этот курс получился небывало людным. Раньше «им» не хватало учеников, вот «они» и постарались. Даже меня пригласили.

Эдмонд Уэллс ничуть не изменился: тот же загадочный вид, острые уши, треугольное лицо. На меня он производит все то же сильное впечатление. В своей последней человеческой ипостаси он был энтомологом, специалистом по му-

¹ На французском языке «прощай» и «к богам» звучит одинаково.

равьям. Но его любимым занятием всегда было накапливать знания и наводить мосты между теми, кто заведомо не способен общаться. Прежде всего между муравьями и людьми, а еще между людьми и ангелами.

– Моя вилла стоит недалеко от твоей, по адресу Оливковая улица, дом 142851, – говорит он так, словно мы вместе проводим отпуск. Я торопливо надеваю тунику, тогу, сандалии.

Он обращается ко мне на «ты», я продолжаю ему «вы-кать», фамилльярничать с ним мне не под силу.

– Здесь происходят странные вещи... – шепчу я. – Лишь только я прибыл, как повстречал на пляже Жюль Верна. Он умер чуть ли не у меня на руках. Зияющая рана в боку. Убийство! Дионис утверждает, что у него возникли проблемы, потому что он слишком рано явился и проявил излишнее... любопытство.

– Жюль Верн всегда был пионером, – соглашается Эдмонд Уэллс, не больше Диониса впечатленный этим загадочным преступлением.

– Он успел предостеречь меня от подъема на гору Олимп. Как будто увидел на ней что-то пугающее.

У Эдмонда Уэллса задумчивый вид; оба мы смотрим в окно, на подножие горы, по-прежнему скрытой облаками.

– Здесь все так странно, – не унимаюсь я.

– Правильнее сказать – сказочно.

– А эти книги? Все страницы до одной пустые!

Улыбка моего наставника становится еще шире.

– Тогда наша задача – их исписать. Я продолжу трудиться над своей Энциклопедией Относительного и Абсолютного Знания. Теперь это будут уже не сведения о людях и животных, даже не об ангелах, а о самих богах.

Из котомки, которую он носит через плечо, извлекается книжка, похожая на мои, но с той разницей, что у этой уже бывалый вид. Он гладит ее корешок.

– Теперь ничего из того, что мы станем переживать, не будет утрачено. Я уже записал по памяти отрывки текстов, которые счел наиболее важными. Дальше я стану записывать все, что мы обнаружим здесь.

– Но почему вы...

– Лучше на «ты». Я тебе больше не наставник, я такой же бог-ученик, как ты. Полное равенство.

– Почему ты... Нет, прошу прощения, у меня не получается, лучше по-старому, на «вы»... Почему вы продолжаете вашу погоню за знаниями?

Он удивлен тем, что я против совершенствования наших отношений, но не настаивает.

– Наверное, это из-за панического ужаса перед невежеством, преследовавшего меня в детстве. Ужаса, я не преувеличиваю. Как-то раз я не смог выучить наизусть стишок, и учитель назвал меня пустоголовым. С тех пор я не перестаю наполнять свою голову. Не стишками, информацией. В 13 лет я уже менял одну толстую тетрадь на другую: ри-

совал, записывал научные сведения, свои собственные мысли. – При этом воспоминании он улыбается. – Вырезал из журнальчиков фотографии голых актрис и наклеивал между математическими формулами, чтобы было желание открыть тетрадь. Мне никогда не хотелось прерывать это занятие. Как ты знаешь, даже в Империи ангелов я не расставался с проектом своей Энциклопедии и вдохновил им одного человека. Из-за этого все чуть было не пошло прахом. Здесь я продолжу свою погоню за Относительным и Абсолютным Знанием.

– Пятый том Энциклопедии?

– Официально – пятый, но я написал и спрятал в разных местах несколько неофициальных.

– Энциклопедии Относительного и Абсолютного Знания, спрятанные на Земле?

– Конечно. Мои маленькие сокровища, которые найдут когда-нибудь те, кому хватит терпения их искать. А тем временем я начал вот это.

Я смотрю на книжицу. Эдмонд Уэллс красиво вывел на ее обложке: «ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОГО И АБСОЛЮТНОГО ЗНАНИЯ, ТОМ V».

Он протягивает ее мне.

– Я писал потому, что приобретал от встречи к встрече, от множества людей, колоссальные знания. Но когда хотел передавать их дальше, чтобы их жизнь продолжалась, заметил, что этот подарок очень мало кого интересует. То, что

не готовы принять, нельзя подарить. Тогда я оставил всему миру рукопись. Это все равно, что бросить бутылку в море. Пусть она достанется тем, кто сумеет ее оценить, даже если я их не повстречаю.

Я открываю книгу. Первый заголовок – «Вначале». Далее идут заголовки «Перед неведомым», «Если мы одни во вселенной», «Небесный Иерусалим». Последний – «Символика цифр».

– Опять? Вы уже писали об этом в четырех первых томах. Энциклопедист не думает огорчаться.

– Это ключ ко всему. Символика цифр. Мой долг – повторять и дополнять ее, ведь она – простейший путь к пониманию смысла эволюции вселенной. Вспомни, Мишель...

16. Энциклопедия: символика цифр

Приключения сознания подчинены символике цифр, изобретенных индийцами три тысячи лет назад. Кривая обозначает любовь.

Крест – испытание.

Горизонтальная черточка – привязанность.

Взглянем на сами цифры.

«1». Минерал. Строгая вертикальная черта. Ни привязанности, ни любви, ни испытаний. У минерала нет сознания, он – первая стадия материи.

«2». Растение. Горизонтальная черта, над ней кривая. Растение привязано к земле, горизонтальная черта символизирует корень, мешающий ему двигаться. Оно любит небо и подставляет ему свои листья и цветы, чтобы впитывать свет.

«3». Животное. Две кривые. Животное любит землю и небо, но ни к тому, ни к другому не прикреплено. У него одни эмоции: страх, желание... Две кривые – это два рта, кусающий и целующий.

«4». Человек. Крест. Он на развилке между «3» и «5». Четверка – момент испытания. Либо она развивается и становится мудрецом, пятеркой, либо возвращается в свою стадию «3», животного.

«5». Человек мыслящий. Обратное «2». Он связан с небом верхней горизонтальной чертой и любит землю – нижняя кривая. Это мудрец. Он преодолел свою животную природу. Он отошел от событий и не реагирует ни инстинктивно, ни эмоционально. Он победил свой страх и свое желание. Он любит свою планету и своих соплеменников, но наблюдает за ними издали.

«6». Ангел. Просветленная душа, освобожденная от обязанности перерождаться во плоти. Она вышла из цикла перерождений и превратилась в чистый дух, больше не чувствующий боли и не имеющий больше элементарных потребностей. Ангел – это кривая любви, чистая спираль, идущая от сердца, спускающаяся к земле, чтобы помогать людям, и завершающая кривую вверху, чтобы достичь высшего измерения.

«7». Бог. Или по меньшей мере бог-ученик. Ангел, поднимаясь, достигает высшего измерения. Как и «5», он имеет связь с верхом. Но вместо кривой любви книзу у него прямая линия. Он воздействует на мир снизу. А еще «7» – это крест, перевернутая «4», то есть испытание, перекрестье. Она должна чего-то достигнуть, чтобы продолжить подъем.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия Относительного и Абсолютного Знания, (повторение статьи из тома IV).

17. Первый праздник в амфитеатре

Что же еще выше? «8»?

Бой часов, три протяжных удара. Мы торопимся на центральную площадь, к столетней яблоне. Другие боги-ученики в белых тогах прибежали туда раньше нас. Это люди разных возрастов, в том числе те, кому на Земле уже не бывать. Все мы смотрим друг на друга, удивляясь тому, что нас так много, и гадая, что в нас такого замечательного, что мы удостоились чести попасть сюда.

Девушка в желто-шафрановой тоге жестами побуждает нас встать в очередь.

– Это Ора, – шепчет мне Эдмонд Уэллс.

– Не могу сказать, у меня нет часов ².

Мой наставник улыбается.

– Ты не понял. Ора – греческая полубогиня.

– Их тоже двадцать четыре?

– Нет, – шепчет он мне на ухо, – всего три. Эвномия – Ора Дисциплины, Дика – Ора Справедливости и Эйрена – Ора Мира. Полубогини они потому, что их мать – Фемида, богиня Закона, а отец – Зевс, царь богов.

По тому, как ловко эта Ора строит нас в очередь, я заключаю, что это первая, Эвномия. По-гречески «эв» значит хо-

² В оригинале фраза «C'est l'Heure» созвучна с устойчивой фразой «C'est l'heure...» – «Пришло время...» (фр.).

роший, как в слове «эвфония» – благозвучие.

Ученики по очереди подходят к Эвномии, та отмечает явившихся и указывает им, куда идти. Я тоже называю себя, и Ора пытливо на меня смотрит. Наверное, тоже задается вопросом, не тот ли я, «кого ждут».

Но она всего лишь отправляет меня на Северный проспект, в Амфитеатр.

Там, у входа, опять толчея. Другая Ора, без сомнения, Дика, тоже сверяется со списком. Я умудряюсь заглянуть ей через плечо и увидеть, что Жюль Верн в ее списке зачеркнут и заменен... Эдмондом Уэллсом. Неужели мой наставник заменил экспромтом убитого писателя?

Я называю свою фамилию и получаю коробочку. Любопытство заставляет меня сразу ее открыть. Внутри лежит крест размером с ладонь, с ушком из прозрачного стекла и с цепочкой, чтобы повесить его на шею. На обратной стороне креста три колесика, на каждом буква.

– Анх, – подсказывает Эдмонд Уэллс, – скипетр богов.

Скипетр богов... Под ним номер моейвиллы, 142857.

Не отставая от моего наставника и друга, я вхожу в амфитеатр. Полукружьем рядов и центральной сценой он похож на стандартный античный амфитеатр. Ученики собрались кучками и взволнованно переговариваются.

– Прямо как детский сон, – говорю я.

Но мой друг предлагает другую гипотезу:

– Или как в книге. Как если бы кто-то все это описал. Чи-

тателю достаточно склониться над страницами, чтобы сценка ожила. С нашим участием.

Я с сомнением пожимаю плечами, но он уверенно продолжает:

– Какой-нибудь писатель, поклонник древнегреческой мифологии, так живо все описал, что вдохнул в свое описание жизнь. По мне, все на свете рано или поздно превращается в роман.

Я подхватываю его мысль:

– Если так, то писатель наблюдает за нами, как за своими персонажами. Но придумал ли он уже всю историю? Начал с конца или нащупал интригу одновременно с нами, своими героями?

Он смотрит на меня наполовину серьезно, наполовину насмешливо.

Девушка в желтой тоге и венке из цветов и плодов отодвигает нас в сторону, чтобы мы не мешали входящим.

– Третья Ора?

– Нет, эта больше похожа на другую полубогиню, Персефону – воплощение времен года.

Я вдыхаю ее аромат. Похоже на ландыш и лилию. Скорее всего, это Весна. Я люблюсь ее золотистыми глазами, льняными волосами, хрупкими руками. Меня так и тянет к ней прикоснуться, но Эдмонд Уэллс не дает.

Я рассматриваю своих одноклассников, усевшихся там и сям. Здесь хватает знаменитостей: я узнаю художника Ту-

луз-Лотрека, романиста Гюстава Флобера, Этьена де Монгольфье, одного из двух братьев-изобретателей воздушного шара, мастера керамики Бернара Палисси, художника-импрессиониста Клода Моне, авиатора Клемана Адера, скульптора Огюста Родена. Из женщин мне знакомы драматическая актриса Сара Бернар, скульптор Камилла Клодель, физик Мари Кюри, актриса Симона Синьоре, танцовщица-шпионка Мата Хари.

Эдмонд Уэллс, сама галантность, подходит к последней.

– Здравствуйте, я Эдмонд Уэллс, а это мой друг Мишель Пенсон. Вы, кажется, Мата Хари?

Молодая брюнетка утвердительно кивает. Мы обмениваемся взглядами, не представляя, о чем дальше говорить.

Понемногу смеркается, мы собираемся на верхней галерее. В небе загораются сразу три луны, образующие треугольник. Вершина горы Олимп по-прежнему окутана туманом.

От нетерпения я громко задаю не дающий мне покоя вопрос:

– Что там, наверху?

Первым мне отвечает Винсент Ван Гог:

– Серый фон с красновато-коричневым отливом, отблески оранжевого и синего.

– Загадка, – шепчет Мата Хари.

– Магия, – высказывается изобретатель Жорж Мельес.

– Архитектор Вселенной, – предполагает вполголоса Гю-

став Эйфель.

– Кинопродюсер, – говорит Симона Синьоре.

– Принцип всего, – грезит Мари Кюри.

– Мы в Олимпии, – неуверенно напоминает Сара Бернар. – Вдруг там... Зевс?

– Ровным счетом ничего, – произносит резкий голос позади нас.

Все дружно оборачиваются. Перед нами человек с длинными нечесаными волосами, в круглых очечках, с буйной бородой.

– Ничего там наверху нет. Ни Зевса, ни Архитектора, ни магии... Ни-че-го. Не считая снега и мглы. Как всегда высоко в горах.

В ответ на его уверенные слова на вершине вспыхивает и начинает мигать, как фара автомобиля, яркий свет.

– Видели? – спрашивает Мельес.

– Видел, и что? – фыркает бородатый. – Свет, эка невидаль. Зажгли на макушке горы прожектор, а у вас сразу включается воображение, вы взгляда отвести не можете, чисто комары у лампы. Декорации и мизансцены, вот что это такое.

– Кто вы такой, чтобы так категорично судить? – не выдерживает Сара Бернар.

Человечек низко кланяется.

– Пьер Жозеф Прудон, к вашим услугам.

– Прудон? Теоретик анархизма? – оживает Эдмонд Уэллс.

– Он самый.

Я слышал об этом смутьяне, но понятия не имел о его облике. Оказывается, он вылитый Карл Маркс. Наверное, борода и длинные патлы были тогда в моде. У него высокий гладкий лоб, волосы связаны на затылке в пучок.

– Прудон – атеист, анархист, нигилист, тем и горд.

– Тем не менее вы перевоплотились... – замечает Сара Бернар.

– Что да, то да. Хоть и не верил ни в какое перевоплощение.

– Да еще ангелом стали...

– Тоже верно, вопреки моему неверию в бесплотность.

– А теперь вы – бог-ученик.

– Дальше я стану богом атеистов, – заявляет Прудон, очень довольный собой. – Скажите честно, вы верите в эту школу богов? Представляете сдачу экзаменов на бакалавра демиургов?

В дискуссии появляется новый участник. У него сильное сходящееся косоглазие, с которым он тщетно борется.

– Там, наверху, – восклицает он в проникновенной манере, – наверняка есть нечто очень сильное и прекрасное. Мы с вами – всего лишь боги-ученики, божки. А он – Великий Бог.

– Как вы это себе представляете? – интересуюсь я.

– Как нечто, превосходящее наше разумение по мощи, величественности, уму, вообще по всему, – отвечает он с экс-

татическим видом.

Этого нового ученика зовут Люсьен Дюпре, он объясняет, что был офтальмологом. У самого двоилось в глазах, зато помогал ясно видеть другим. Пока не понял, что единственный путь к прозрению – вера.

– Несите свой вздор, сколько влезет, – машет рукой Прудон. – Лично мне не страшно провозгласить: «Ни Бога, ни господина».

Ряды учеников неодобрительно ропщут. Анархист гнет свое:

– Я следую по пути святого Фомы и верю только тому, что вижу сам. А вижу я людей, собравшихся на острове и в упорении повторяющих имя бога, что многие религии делать запрещают: и там у вас бог, и сям. Называете себя верующими, а на самом деле – сборище богохульников. И вообще, бог – это что? Разве у нас какие-то редкостные способности? Вот я всего лишь утратил свои ангельские признаки. Раньше я летал, пронзал материю. А теперь испытываю голод и жажду, на меня напялили тогу, от которой я весь чешусь.

Он прав, меня тоже раздражает эта жесткая ткань, да и при слове «голод» у меня свело желудок. Пьер Жозеф Прудон продолжает:

– Говорю вам, все эти декорации из папье-маше, эта гора за дымовой завесой – отъявленная липа.

В этот момент раздается короткий тупой удар. Появляется кентавр, на груди у него висит барабан, в который он лупит

двумя палками. За ним скачет второй кентавр, тоже барабанщик, дальше третий... Вытягивается целая вереница из двух десятков кентавров, что есть силы бьющих в барабаны.

Доскакав до Амфитеатра, они берут нас в кольцо. Мы застываем, они тоже. Барабаны бьют все громче, у нас уже вибрируют грудные клетки и сердца бьются в унисон. Кентавров набралась уже добрая сотня, и все они нещадно барабанят. Ритм пронзает мое тело, колотится в висках, груди, руках и ногах. Я ощущаю каждую свою косточку, весь свой скелет.

Кажется, кентавры ведут рокошущую беседу. У некоторых сольные партии, другие отвечают им в тон.

Время от времени гармонию нарушает чье-нибудь ржание.

Появляется наездница-амазонка в шлеме, в серебристой тоге, с копьем, с ее плеча на наше сборище таращится сова. Кентавры задирают свои палки и перестают мучить барабаны.

В странной тишине женщина заезжает на арену и останавливается в ее центре. В ней тоже метра два росту, как в Дионисе. Без сомнения, таковы все Боги-учителя.

Она начинает говорить, с преувеличенной четкостью произнося каждое слово:

– Ваш курс и правда очень-очень велик. И это еще не все подтянулись. Вас под сотню, вечером станет еще больше. Столько еще никогда не было. В общей сложности наберется сто сорок четыре ученика.

– Двенадцать в квадрате, – шепчет мне на ухо Эдмонд Уэллс. – У Адама и Евы тоже было сто сорок четыре отпрыска, сто сорок четыре первых человека...

Женщина ударяет в пол своим копьём, как будто восстанавливая порядок в расшумевшемся классе.

– Для каждого курса мы выбираем ангелов из бывших смертных одной культуры, из одной страны. Это исключает лишние проявления национализма и землячества. В этот раз у нас здесь одни бывшие французы.

Богиня обводит взглядом амфитеатр. Никто не шевелится, даже Прудон присмирел. Богиня грациозно спрыгивает со своего коня, который стоит как вкопанный.

– Здесь, – продолжает она, – вы будете «богами народов», по примеру «пастырей стад». Вы научитесь быть добрыми пастырями.

Она прохаживается по арене. Сова взлетает с ее плеча и носится над нами взад-вперед.

– Будет два семестра, на которых вас будут учить уму-разуму двенадцать богов-учителей. Перечислю их:

1. Гефест, бог-кузнец.
2. Посейдон, бог морей.
3. Арес, бог войны.
4. Гермес, бог странствий.
5. Деметр, бог земледелия.
6. Афродита, богиня любви.

На втором этапе подключатся:

7. Гера, богиня семьи.

8. Гестия, богиня семейного очага.

9. Аполлон, бог искусств.

10. Артемида, богиня охоты.

11. Дионис, бог пиров, с ним вы уже знакомы.

В конце за кафедру встану я сама:

12. Афина, богиня мудрости.

Почему-то из всех имен мне запоминается одно: Афродита, богиня любви... У меня странное чувство, что я ее уже знаю. То ли она была членом семьи в моем прошлом, то ли будет – в будущем.

Еще немного побродив по сцене, богиня в шлеме продолжает:

– ...К этой дюжине богов-учителей добавятся боги-помощники. Сначала это будут Сизиф, Прометей и Геракл. Потом к вам пожалуют Орфей, Эдип и Икар. Еще бог времени Кронос, он прочтет вступительный курс, и Гермафродит, который при необходимости окажет вам психологическую поддержку и постоянно будет в вашем распоряжении.

Аудитория начинает шуметь, но Афина еще не договорила, она опять бьет копьём в пол.

– Разумеется, здесь, как во всяком сообществе, необходимо соблюдать строгие правила.

1. Никогда не покидать территорию Олимпии после десяти ударов курантов, обозначающих двадцать два часа.

2. Никогда не прибегать к насилию в отношении жителей острова, будь то бог, химера или другой ученик. У нас здесь царит мир, это храм спокойствия.

3. Никогда не пропускать занятия.

4. Никогда не расставаться со своим анхом, который вам вручили в ларце. Постоянно носите его на шее. Это ваш опознавательный знак, пригодится в работе.

Снова шум. Афина, понимая, что ее слова вызвали любопытство, уточняет:

– Учтите, вне стен города Олимпия вы уже не будете в безопасности. Сам остров кишит опасностями, которых вы даже представить себе не можете.

Этим объяснением она только усиливает волнение в амфитеатре. Приходится повысить голос:

– К тому же один из здешних персонажей способен отбить у вас всякую охоту заниматься туризмом. Дьявол собственной персоной.

Произнося это слово, она ежится.

Теперь она вызвала настоящее смятение. Ее копье уже бессильно, кентаврам приходится снова бить в барабаны, чтобы нас утихомирить. У каждого собственное представление о дьяволе и неукротимое желание поведать о нем соседу по скамье. Когда барабанный бой стихает, Афина договаривает:

– Первое занятие завтра. Бог Кронос, ответственный за соблюдение расписания, будет ждать вас на нулевое занятие. Повторяю, что рассчитываю на ваше спокойствие, душевный покой и прилежание на занятиях.

В этот момент раздается страшный предсмертный крик.

18. Энциклопедия: крик

Жизнь часто начинается и кончается криком. У древних греков воинам полагалось улюлюкать в атаке, то был боевой клич для ободрения друг друга. Германцы кричали, закрыв лицо щитом, чем создавали резонанс, пугавший коней вражеской армии. В кельтской традиции известен Хопер Ноз, ночной крикун, заманивавший в ловушку путников. Библейский Рувим, сын Иакова, отличался таким громким криком, что любой, кто его слышал, умирал от страха.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия Относительного и Абсолютного Знания, том V.

19. Первое официальное убийство

Крик звучит долго, потом резко обрывается.

Мы взволнованно переглядываемся. Звук доносился снаружи Амфитеатра. Сова Афродиты летит в ту сторону, кентавры галопом покидают арену. Мы все торопимся за ними.

Вскоре кентавры попадают в окружение плотной толпы, сами они окружают место, где я, протолкавшись ближе, вижу жертву, лежащую на спине, со скрещенными на груди руками. В области сердца зияет такая дыра, что сквозь нее видна земля. Как у Жюль Верна, плоть вокруг раны обгорела.

Меня пробирает дрожь. В бытность ангелом я воображал, что навсегда избавился от страха смерти. Но здесь, снова обретя плоть, я опять почувствовал этот древний страх. То есть опять стал в некотором смысле смертным. Я могу не только страдать, но и умереть.

Зачем боги отказались от своих ангельских привилегий?

Уже совсем стемнело, но один из учеников подносит к искаженному ужасом лицу убитого факел, освещая и его и стоящих вокруг других перепуганных учеников.

– Кто это? – спрашиваю я.

– Его звали Дебюсси, Клод Дебюсси, – шепчет какой-то меломан.

Композитор, сочинивший прелюдию «Послеполуденный отдых фавна», находился среди нас и незаметно для всех ис-

чез.

– Кто это сделал? – спрашивает кто-то.

– Дьявол... – предполагает мистик Люсьен Дюпре.

– А почему не ваш пресловутый Главный Бог? – иронизирует Прудон. – Он же вершит правосудие, почему бы ему не карать порой свою верную паству? Раз вы в него веруете, то извольте покорно принимать его шлепки.

Афина озабоченно качает головой. Ее сова парит над нами, как будто высматривает вероятного убийцу.

– Убийца среди нас, – сообщает богиня. – Бог-ученик и есть богоубийца.

«Богоубийца» – впечатляюще слово.

– Кто последним видел убитого? – спрашивает она.

Два кентавра кладут тело на носилки и накрывают его одеялом. Мне кажется вдруг, что убитый шевелится. То ли это рефлекторное подергивание, то ли моя галлюцинация.

– Это не первая жертва, – бормочу я. – Началось с Жюля Верна.

– Кто это сказал? – вскидывает голову Афина. Не думал, что у нее такой острый слух.

Я прячусь за другими. Сова таращит на лету свои глазницы. Когда она пролетает надо мной, я чувствую, как дрожит воздух от взмахов ее крыльев.

– В царстве богов пролилась кровь... Богоубийца – кто-то из ста сорока четырех учеников. – Лицо Афины выражает непреклонную суровость. – Я сумею его разоблачить и пока-

рать. Уж поверьте мне, эта кара всех заставит содрогнуться.

– Сто сорок четыре минус один, нас теперь всего сто сорок три, – поправляет ее Прудон, так же мало впечатленный преступлением, как и угрозой возмездия.

Я, в отличие от него, потрясен и сжимаю в кулаке висящий у меня на шее анх.

20. Энциклопедия: анх

Анх (иначе, крест) был в Древнем Египте символом богов и фараонов. Он имеет форму буквы Т с ушком вверх. Другое его название – «Узел Изида», так как для египтян он олицетворял древо жизненной энергии, символ Изида. Он служил напоминанием о том, что восхождение к добытому или желаемому божественному состоянию совершается путем фигурального развязывания узлов, запускающего эволюцию души. Анх находят в руках у Эхнатона и у большинства жрецов солнечного культа. На траурных церемониях его несли как ключ, отпирающий вечную жизнь и запирающий двери туда, куда нет хода непосвященным. Иногда его рисовали на лбу, между глазами, как знак обязанности нового посвящаемого хранить тайну. Знающий тайны загробного мира не должен никому их открывать под страхом их забвения.

Копты считали анх ключом от вечности.

У индуистов крест с ушком символизирует единство принципов активности и пассивности, то есть служит символом двух полов, соединяемых в андрогинной сущности.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия Относительного и Абсолютного Знания, том V.

21. Синий лес

– Вы не думаете, что мы собираемся совершить огромную глупость?

Мы с Эдмондом Уэллсом перелезаем через восточную стену Олимпии, используя в качестве веревки связанные простыни.

– Единственный способ проверить – сделать это, – отвечает мне он.

Мы медленно спускаемся.

– Жюль Верн сказал мне: «Главное, не ходите туда».

Здесь, видимо, я рассердил наставника своим занудством.

– Чего тебе, собственно, надо, Мишель? Чтобы мы продолжали бить баклуши и строить теории о том, что таится там, на вершине горы?

Теперь, когда он подбивает меня нарушить правила, я больше не узнаю в нем прежнего Эдмонда Уэллса, учившего меня выполнять законы Империи ангелов.

Когда мы достигаем основания стены, мои ладони от скольжения по веревке уже горят огнем. Мы торопливо прячем свои связанные простыни в рощице акаций. Отсюда нам видны всего две луны, гора выглядит еще более внушительно.

Олимп...

Мы пробираемся по высокой траве, держа курс на восток.

Подъем становится все круче, луг уступает место все более частым перелескам, потом мы оказываемся в густом лесу. Подъем делается более пологим, и мы прибавляем шаг.

Сумеречное небо окрашивается в цвет грудки снегиря.

Нас пугает непонятный звук, и мы распластываемся среди папоротников. К нам медленно приближается фигура в белой тоге, кто-то из учеников. Меня подмывает вскочить и поприветствовать его, но Эдмонд Уэллс удерживает меня, схватив за рукав, и знаком приказывает не высовываться. Я не понимаю смысла его осторожности. Над головой прогуливающегося ученика пролетает в сторону города ангелочек. Через несколько секунд раздается галоп, и смельчака хватается кентавр.

– Ангелочек находит, кентавр ловит, – подытоживает Эдмонд.

Человек-конь уносит нашего соученика на юг.

– Как они с ним поступят? – тревожусь я.

Эдмонд Уэллс в задумчивости ждет, пока человек-конь исчезнет вдаль, потом медленно озирается, наконец убеждаясь, что рядом больше нет ни ангелочков, ни кентавров.

– Если продолжить вычитание, предложенное Прудоном, то нас больше не сто сорок три. Сто сорок три минус один, сто сорок два.

Мы шагаем дальше, огибая деревья и глядя на горы впереди. Вокруг полная тишь, нарушаемая только дрожанием листвы. Потом поднимается ветер, дующий с запада. Он уси-

ливается, раздувает наши тоги и треплет ветви деревьев, срывая с них листву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.